

Щеглова Т. К.

**КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ СООБЩЕСТВ СИБИРИ В XX ВЕКЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ
«КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»¹**

На примере сельского русского населения сибирской тыловой деревни предлагаются новые технологии изучения славянских культур в контексте исторических событий XX столетия. Основными источниками служат материалы полевых экспедиций 1990–2014 гг. При изучении культуры жизнеобеспечения сибиряков в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. вводятся понятия «трудные», «экстремальные» и «чрезвычайные условия жизнедеятельности», предлагается дифференцированный подход к изучению повседневных практик разных социально-экономических, половозрастных и репрессированных групп деревенского общества. При характеристике семейной экономики и трудовых традиций разрабатывается ряд понятий: «адаптационные практики» на примере собирательства, ловчих промыслов, охоты, рыбалки и «заместительные технологии» в таких элементах культуры жизнеобеспечения, как пища, жилище, гигиена и др. «Жизненные стратегии» разных групп русского населения в борьбе с голодом и холодом увязываются с возможностями природных окрестностей. Делается вывод о подстраховочной роли традиционной культуры в экстремальных условиях.

Ключевые слова: *сельское русское население, тыловая деревня, война, культура жизнеобеспечения, кормящий ландшафт, семейная экономика, присваивающее хозяйство, трудовые традиции.*

Вопросы о судьбе и состоянии этнических традиционных культур в XX в. решаются исследователями по-разному. Например, рассматриваются до 1917 г. или ограничиваются 1930-ми гг. (до коллективизации), обосновывая завершением раскрестьянивания, т. е. ликвидацией базы традиционной культуры – крестьянской семейной экономики. Искусственность такого подхода привела к кризису этнографической науки, которая долго не могла выработать исследовательский инструментарий изучения состояния и развития традиций этнических культур в XX в. При изучении славянских культур в индустриальных обществах полевая работа сводилась к выявлению и фиксации затухающих явлений традиционной культуры доиндустриальной эпохи.

На современном этапе традиционные методы и источники изучения славянских сообществ и культур в XX в. необходимо дополнить новыми подходами.

Во-первых, славянские сообщества и культуры исследовать в контексте исторических событий XX в. как в повседневных практиках (колхозно-совхозное общество), так и в экстремальных условиях (войны, репрессии). Автор исходит из востребованности народного опыта преодоления объективных и субъективных неблагоприятных условий и факторов жизнедеятельности. Например, обустройство и выживание в местах ссылки раскулаченных крестьян – русских, украинцев, белорусов. Или жизненные стратегии крестьянских семей при переселении в период ликвидации неперспективных сел. Введение этнокультурного материала в реконструкции исторического прошлого России XX – начала XXI в. открывает новые исследовательские перспективы для этнографов.

Во-вторых, недостатком собственно исторических исследований является то, что историки мало учитывают этнокультурные факторы при анализе прошлых событий или процессов. В исторических реконструкциях сформировался разрыв между историками и этнографами.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: проект № 15-31-01019 а1 «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

Первые опираются преимущественно на архивные документы (в чем видится ими принцип объективности). Этнографы – на авторские полевые материалы. Это приводит с той и другой стороны к неполной реконструкции прошлого, а зачастую к формированию противоположных оценок одних и тех же явлений – от негативных до идеализации. Например, в оценках историками «института нянек» в крестьянском единоличном обществе 1920-х гг.: от детской эксплуатации до трудовых традиций в единоличном хозяйстве (Щеглова, 2008: 124–127). Так же как в реконструкции раскулачивания мало учитывается наличие этнокультурных групп деревни – старообрядцев, казаков, старожилов, переселенцев. Это ведет к голой схематизации научных исторических реконструкций. Необходимо вводить этнокультурный материал в исторические повествования.

При формировании научно-исследовательской программы авторы исходили из того, что, с одной стороны, Великой Отечественной войне посвящено огромное количество исследований, с другой стороны, традиционные методы и источники исследования исчерпали себя, дальнейшее развитие темы требует новых подходов. Для изучения культуры славянских сообществ сибирской тыловой деревни был сформирован исследовательский инструментарий на основе междисциплинарного подхода. Базовым элементом научно-методического обоснования стала концепция известных этнографов С. А. Арутюнова, Э. С. Маркаряна, Ю. И. Мкртумяна «культуры жизнеобеспечения» и социально-культурных антропологов.

Самостоятельным авторским вкладом стала проработка технологий устной истории исследования по созданию новых источников, используемых в соединении с этнографией уже десятилетия (Щеглова, 2005; 2011). Интервьюирование участников и очевидцев исторических событий и процессов, являющихся носителями традиций этнических сообществ, служит важнейшим инструментом реконструкции прошлого. Особенно важным это представляется в связи с тем, что этнические традиции современных славянских обществ в XX в. переместились в область нематериального культурного наследия. При принятом делении на материальные и нематериальные традиции именно материальные элементы подверглись кардинальным изменениям под влиянием урбанизации, индустриализации, глобализации. Иные возможности существуют в изучении нематериальной культуры.

Для изучения современных культур автором вводится понятие «информационная среда сельских поселений». Среди явлений материальной культуры – это изучение этнокультурного ландшафта населенных пунктов. Нематериальное наследие содержит не только «готовые продукты» традиционной культуры славян – обрядовую культуру, продукты народного творчества (фольклор, сказки, былины и т. п.), но и устную информацию о прошлом в индивидуальной и коллективной исторической памяти. Эта память базируется на этнокультурных кодах, которые обуславливают поведение ее носителей – участников исторических событий. Мобилизация этой информации и является работой по созданию новых источников с помощью разных видов опроса, чем и занимается устная история.

При этом важным является союз устной истории с региональным подходом, широко практикуемым историками в последнее время. В связи с чем актуализируется дискуссия вокруг таких понятий, как «общерусская культура» и «локальные варианты общерусской культуры». Именно концепция регионализма помогает рассматривать развитие славянских культур в конкретных региональных природно-климатических условиях и в конкретной социально-экономической и этнокультурной ситуации. Региональный подход в изучении культуры жизнеобеспечения особенно выпукло показывает, что при общерусских традициях в питании, обустройстве жилой среды в мирное и в военное время формировались локальные варианты. В таком случае общерусская традиция выступает своеобразным фиксированным сценарием, на основе которого формировались локальные трактовки под влиянием конкретных условий. Важные подходы сформированы в крестьяноведении (Н. Н. Козлова, И. Ю. Трушкова). В частности, рассмотрение

традиционной культуры в роли подстраховщика при тех или иных исторических событиях, ухудшавшихся условиях существования славянских сообществ.

Междисциплинарный подход позволил автору концептуально сформировать научно-методическую модель изучения культуры жизнеобеспечения и системы жизнедеятельности сельского русского населения тыловой деревни Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Во-первых, она потребовала введения понятий, характеризующих условия жизнедеятельности крестьянской семьи в годы Великой Отечественной войны. Были введены три ситуативные категории – трудные, экстремальные и чрезвычайные условия.

Трудные условия жизнедеятельности крестьянской семьи – это условия жизни большинства сельских жителей тыловой деревни Сибири. Подавляющее большинство сельского населения составляли колхозники. Трудность условий жизнеобеспечения колхозной семьи определялась и субъективными, и объективными факторами. В число субъективных факторов, создававших трудности жизнеобеспечения, входят последствия социалистической модернизации с массовой коллективизацией, уничтожившей семейное земледелие и скотоводство. Отсутствие собственной производственной базы (земли и орудий труда) при отсутствии государственной помощи сделало крестьянские колхозные семьи уязвимыми перед трудностями военного времени. К субъективным факторам также относилась налоговая политика государства, усугубленная войной. К объективным – изменение структуры семьи и сельского сообщества – «обезмужичивание» деревни, отсутствие в результате мобилизации техники и тягловой силы и др.

Экстремальные условия жизнедеятельности крестьянской семьи были у репрессированных категорий сельского населения – раскулаченные, спецпереселенцы и другие категории «врагов народа», а также депортированные народы, среди них украинцы, немцы, калмыки и пр. Перед ними вставали проблемы борьбы с голодом и холодом, что актуализировало традиции строительства семейного жилища из подручных средств (глины, соломы, камыша, валежника, дерна) и традиции собирательства для пропитания «на подножном корму».

Чрезвычайные условия жизнедеятельности крестьянской семьи были обусловлены как субъективными факторами – репрессивной политикой, так и объективными – нехваткой трудовых ресурсов и необходимостью мобилизации человеческих ресурсов для работы на фронт. В таких чрезвычайных ситуациях формировались жизненные стратегии и повседневные практики у заключенных сети ГУЛАГа и у трудармейцев, в категорию которых попадали не только депортированные немцы, о чем широко известно, но и раскулаченные русские, украинцы и др. На Алтае их труд использовался при экстренных строительствах железнодорожных веток, ведущих к стратегическим добывающим объектам. Л. А. Соколова (1935 г. р., Барнаул) рассказывала о раскулаченной семье своих дедов-украинцев Андрея Гавриловича и Евдокии Акимовны Нескоромных, высланных в Кривляк Туруханского района Красноярского края из саманного дома в с. Петровка Славгородского района. И уже там одна из дочерей (в семье было 15 детей) – Устинья Андреевна Успенская, у которой тоже было двое детей, была призвана в трудармию на заготовку леса.

Во-вторых, предлагаемая научно-методическая модель базируется на принципах дифференцированного подхода в изучении традиций и новаций сельского тылового населения с выделением групп в тыловом обществе сибирской деревни, чьи условия системы жизнеобеспечения отличались. Можно выделить, по крайней мере, три группы: 1) социально-экономические группы (колхозники, рабочие совхозов, интеллигенция и др.); 2) репрессированные группы (раскулаченные, депортированные, спецпереселенцы, трудармейцы и др.); 3) возрастные и гендерные группы.

Полевые материалы показывают неодинаковые условия адаптации к военному времени, например, у колхозников и совхозников. Если в довоенное и послевоенное время лучше жилось совхозникам, которые «были с деньгами», чем колхозникам с «палочками» за трудодни, то

в войну система жизнеобеспечения была крепче у экономически более самостоятельного колхозного сектора. Об этом говорят сами информанты: «В селе был колхоз и совхоз. Колхозники жили получше, так как могли оставить себе и пшеницу на муку, и молоко, и скот на мясо. В колхозе во время войны было еще несколько коней. В совхозе дела обстояли хуже – там все сдавали государству» (Алтайская деревня... 2012: 43–44). Еще тяжелее было интеллигенции: «Тяжело жили. Вот были такие у нас Павловы. Они ушли на Рубцовку, но это в войну. У их семеро детей, отца забрали. Он был счетоводом у нас, а жена не умела даже выращивать вот картошку... и вот они ходили побирались... Кто подаст, а кто не подаст, и она ушла. У город ушла, у Рубцовку, и спасла всех детей» (Алтайская деревня... 2012: 116–117).

Половозрастной подход позволяет рассмотреть проблему сохранения этнокультурных традиций у разных групп русского населения. Это прежде всего две полярные возрастные группы: на одном полюсе дети войны, на другом полюсе – нетрудоспособные бабушки («баба») и дедушки («деда») (1860–1880 г. р.). Последние являлись носителями традиций крестьянского мира, сыграли особую роль в формировании в военных условиях системы жизнеобеспечения с опорой на традиционную культуру. На их плечи легло содержание детей в многодетных семьях колхозников. Именно они становились наставниками в повседневной борьбе с голодом и холодом. Вот как описывают дети войны: «Ходили пяшком, и за Бурлу ходили пяшком. У нас соседка [подружка], у их была избенка своя, ну, и отец тоже на фронте был. А пойдем по грибы, а баба Аксинья нас насобирает девчонок в бор. А у ей корзина была такая здоровая, и нам повязки сделает через плечо. А мы с ведрами, сядем отдыхать на дорогу: „Баба Аксинья, ну у тебя ж в корзинке, погляди какие черви-то вылазют“ – „А девки, то не черви, что моемо [вымоем], а то будут черви, которые нас будут исть“. Вот зимой, у их избенка, все собирались... Побежим к им, „в колечко“ [играть]. Играем, играем, а баба Аксинья наварить картошки, такой меленькой, на стол вывалит: „Девки, ну-ка слазейте за грибами!“ Мы полезем. „Да возьмите поварешку, червей-то соберите, в кадушке, а груздей накладите“. Мы червей выбросим, наладим чашку деревянную, да так намелимся [наедимся] у их, картошки с груздями. Да на другой раз пойдем в бор, она и говорит: „Рвите все грибы! Все! А то опять ко мне придете жрать!“» (Щеглова, 2015: 177). Более устойчивое положение имели семьи с дедушками благодаря их навыкам охоты и рыболовства: «Дед был заядлым охотником, нередко возвращался с охоты с трусом (зайцем), бабушка делила на несколько частей, и борщи варили с мясом» (Сборник воспоминаний... Адарич Пелагея Петровна, 1927 г. р.).

К детям войны относятся родившиеся после 1935 г., те, которые пошли в школу. Среди них выделяется самостоятельная группа детей войны дошкольного возраста, родившихся перед или в начале войны. «За грудными детьми следили старшие. Носила к матери на работу маленького Михаила (грудной младенец). Мать кормила. Несла обратно» (Сборник воспоминаний... Андрелева Галина Михайловна, 1940 г. р.) или «Мать работала в бригаде сутками. Я самый старший. Был маленький [3–5 лет]. А мать была на работе. Боялся один. С собачкой спал в канавке» (Сборник воспоминаний... Илевера Дмитрий Петрович, 1939 г. р.). Такие дети жили «на подножном корму». Их жизненные стратегии выживания и опыт вычерпывания готовых продуктов из окружающего природного пространства представляют самостоятельный интерес. Они впитывали опыт традиционной культуры, носителями которого являлись их няньки – бабушки и дедушки. Поэтому они являются великолепными информантами о культуре жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни. Более того, их мировоззрение менее подвержено воздействию пропаганды советских ценностей, так как в годы войны она была направлена на другие цели. Их сознание до наших дней причудливо отражает и крестьянский, и советский арсенал жизненных ценностей.

Между этими полярными группами находится третья половозрастная группа, поколение подростков – «парней» и «девчат», женщин трудоспособного возраста. Именно на них легла

вся тяжесть производственных работ. Если мужчины трудоспособного возраста были мобилизованы на боевой фронт, то они – на трудовой фронт: летом, осенью, весной и даже зимой они круглосуточно находились «на бригадах», на полевых станах, фермах, гуртах и т. д. Им было тяжело, но часть проблем решалась организованно, например питание. Бригадные повара, как правило, «девчата» – 11–13 лет – готовили в общих котлах и затируху, и болтанку, и запаривали пшеницу, и тушили в общих котлах сусликов. Вместе с тем у каждой из этих групп имелся свой жизненный опыт решения вызванных войной проблем жизнедеятельности. Так, в изучении женщин войны интересными являются вопросы гигиены и санитарии, труда и досуга и др. Наряду с традициями у круглосуточно работающих женщин формировались новации в борьбе с пылью, особенно при работе на технике: «В полях работа на комбайнах и тракторах тяжелая и пыльная... спасал радиатор: рвали осоку, макали в радиатор и помогали друг другу обтереть пыль со спины. Осока – трава острая, спины ею были всегда поранены, разъедены пылью и потом» (Алтайская деревня... 2012: 46). Они использовали радиатор и для борьбы с голодом: «зерно в тряпочке опустишь в радиатор, а там горячая вода, зерно разбухало, и его тоже ели. Были случаи, когда тряпочки рвались, зерно забивало радиатор, а комбайнера объявляли врагом народа» (Алтайская деревня... 2012: 45). Поэтому их жизненные стратегии выстраивались на ходу: на ходу заботились о детях, когда нельзя было отрываться от работы для поездки домой кормить грудного младенца; на ходу лечились, когда нельзя было оставить работу: «в войну я заболела и пошла в больницу в Ульяновку пешком [из Устаурихи]. Иду в больницу, а навстречу управляющий едет: „Куда нарядилась? Воспаление хитрости у тебя?!“» (Щеглова, 2008: 383).

В таких условиях возросла потребность в народной медицине и лекарственных травах. Если в питании «царицей войны» была лебеда, в отоплении – корова, в быту и гигиене – осока, то в народном лечении – лопух. Вот как об этом рассказывала М. И. Пономарева: «тада не лечили [рану]. Аброботает [фельдшер] и опять на работу. А дома уже репей сталкешь и эти раны заливаешь. Нарвешь, вымаешь, пыль та. Ани аптякут, и их талкешь. Талкешь прям лапух, листьев талкешь. Железные ступка и пестень железный. Вот этим талкешь. Ана вадишьку-та [сок] даст. Ее выжмишь и этим заливали. Лопухом и аткрытые раны мазали. И скотину лечили. Тут волки у нас хадили. Многа каней рвали. Вот зад вырвут вверху. И тоже рипьем. Вот щас ево лапухом завут, а мы тада репьем называли. Лехкии личили. Вот эат сок нажмешь, он выстаится, зелень все стаит внизу, а эта вадишка. Щистая, прям как эта вада, вот ее пили. И жилудак. И все он лечил. Вот тада ижига [изжога], дак нарвешь лапуху листьев. Он горький. Ну личились... у нас травы есть везде, и в бару и в стипи. Вот, тада же травами личились» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012. Пономарева Мария Ивановна, 1927 г.р., с. Конево, Панкрушихинский район).

Приведенные примеры показывают, что у разных половозрастных категорий формировался свой образ войны, если у детей войны военная пора наполнена рассказами о борьбе с голодом и холодом, то у информантов трудоспособного времени в годы войны другие сюжеты.

В-третьих, концептуальной основой научно-методической модели изучения тылового русского населения стал комплекс исторических и антропологических понятий. Прежде всего базой культуры жизнеобеспечения в годы войны стал кормящий ландшафт. В связи с отсутствием семейной производственной базы, ограниченных возможностей личного подсобного хозяйства важнейшим источником существования крестьянской семьи стали природные возможности окружающих деревню окрестностей. «Земляника как поспеет, ведро-два наберем. Посушим на полатях. Также лесную смородину. Паслен собирали и сушили. Кисели варили... Траву ели: осоку, одуванчики в печке томили» (Сборник воспоминаний... Дорошенко Раиса Ивановна, 1937 г.р.). Возможности кормящего ландшафта определяли природно-географические условия конкретного региона. Можно рассмотреть это на примере обеспечения топливом крестьянско-

го жилища. Как известно, государство не только не брало на себя обязательств по обеспечению колхозных семей топливом, но и существенно сузило возможности его заготовки. Масштаб трагедии особенно ощутим в сравнении с предшествующим советскому периоду механизмом бесплатного обеспечения крестьян строительным лесом и дровами. С 1831 г. на каждую мужскую душу крестьянского общества на Алтае полагалась бесплатная выдача строевого леса и дров из Кабинетских дач: «норма бесплатного отпуска определена по 50 строевых бревен и 5 кубов сажен дров в год на каждую платежную душу» (Щеглова, 2014: 44). Так, крестьяне Верх-Бухтарминской волости «сколько им надо было лесу на постройки и дров для топлива, они брали из облегающих селения волости боров, без платежа попенных денег, так как леса эти находятся без всякого присмотра» (Ваганов, 1885: 61, 71). В колхозном обществе и в годы войны, и в мирное время существовали многочисленные запреты на использование леса: «Ведь тогда лес не давали. Даже березы боялись спилить. Было строго» (Алтайская деревня... 2012: 117). Исходили опять же из сподручных средств; возможности конкретной семьи определялись возможностями конкретного ландшафта.

В зоне с таежным и лесоборовым ландшафтом возможности были шире. Все говорят о заготовке засохших сучьев и шишек. Трудовые традиции дифференцировались по возрастам. Более трудный промысел заготовки сучьев лежал на «бабушках» и «дедушках»: «Ранним утром дед ходил в лес за дровами. Напилит сучков, принесет домой, затопит печь, хорошо, тепло». Заготовкой шишек чаще занимались дети и подростки: «Каждый день. Обязанность такая. Мешок и в бор за шишками... Вместе с подругой ходили. И попробуй не принеси в день... Наберешь... в мешок и прешь. Ссыпали кучами под навес... Всю зиму топили... Жаркие...» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2013. Денисова Мария Васильевна, 1920 г.р., с. Лебяжье, Егорьевский район).

Иные традиции существовали у населения степных зон, более скудных на топливный материал: «В Романово, кто дальше от леса, в основном топились соломой, камышом. Много надо, конечно. Снопы вязали, а потом топились» или «Мы дома печку топили соломой. Тепла на час... на корове привозили солому, мякину, полынь для топки печи» (Сборник воспоминаний... Герман Андрей Алексеевич, 1931 г.р.). Часто для топки заготавливали катуны (перекати-поле), которые дети связывали между собой за концы и так тащили домой. Универсальными способами были заготовка коровьих лепешек и использование навоза для изготовления кизяка. «Зимой топиться было нечем. Так нас мама отправляла собирать коровьи лепешки. Накажет, чтобы за день собрали три мешка. Вот и ходим, и собираем. Потом на крышу поднимаем, чтобы зимой было чем протопить печь. Спали все на печи. Холодно ведь было. В мешковину набьем соломы, вот и постель и подушка из соломы» (Сборник воспоминаний... Хорошаева Татьяна Михайловна, 1933 г.р.). В приведенных отрывках обозначилась и еще одна проблема – традиции и новации в семейном хозяйстве, например, роль коровы в системе жизнеобеспечения тылового общества.

С кормящим ландшафтом сопрягается собирательство как домашний промысел по обеспечению жизнедеятельности населения. При его исследовании необходимо изучать объекты собирательства – дикоросы, ягоды, плоды, грибы и др.; виды собирательства, участников, орудия труда, использование в пищу, традиции приготовления и традиционные блюда; традиции заготовок и консервирования; собирательство как противоправный промысел (сбор колосков) (Щеглова, 2015: 174–184). Другой важной традицией стали в годы войны ловчие промыслы – ловля грызунов (сусликов, хомяков, реже – кротов). Именно эти грызуны стали главными источниками животного белка и жира. В их изучении надо ставить задачи исследования видов и способов промысла, участников, орудий и способов вылавливания; способов и рецептов приготовления и заготовки (засолка, вяление). В отношении сусликов в степных зонах можно говорить, что они спасли сибирскую деревню: «нас постоянно мучил голод. Летом нас спасали суслики.

Мы выливали их из норок, а потом жарили, тушили – это просто объеденье» (Сборник воспоминаний... Молчанова Анна Александровна, 1928 г.р.). Важным домашним промыслом сельского общества стало собирательство яиц диких птиц: «собирали яйца с вороны, сороки... Утиные собирали, гусиные. Ребятишки в основном собирали. Возьмут ведерочки и несут» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г.р., с. Гуселетово, Романовский район). Частью жизненной стратегии населения колхозного общества стали охота и рыбалка. Характеристика домашних промыслов и трудовых традиций в годы войны применительно к военной экономике колхозников сопрягается с понятием «присваивающее хозяйство». При этом необходимо учитывать сезонный алгоритм – зима и особенно весна были самым неблагоприятным периодом в системе жизнеобеспечения сельского населения, благоприятным – осень, особенно лето.

Наконец, важным для выявления традиций и новаций в культуре жизнеобеспечения сельского русского населения в годы войны стало изучение традиционной культуры как подстраховщика сельского тылового общества в трудных и экстремальных условиях военного времени. Например, в обустройстве жилой среды подстраховкой тылового общества стало жилищное строительство, когда строевой лес заменяется дерном, глиной, соломой, камышом, валежником и другими сподручными материалами; срубное строительство заменяется дерновым, каркасным, глинобитным и др. Были востребованы заместительные технологии в санитарии и гигиене: щелок (из осины, картофельной ботвы, полыни, подсолнечника и других природных ресурсов) и т. п.

В-четвертых, для адекватной реконструкции системы жизнеобеспечения сельского населения в военных условиях автором были предложены новые понятия. Одним из ведущих является введение понятия «адаптационные практики», к которым и относились и собирательство, и ловчие промыслы. Адаптация проявлялась, пользуясь словами респондентов, в том, что «на еду шло все, что росло, летало и бегало». Очень важным инструментом культуры жизнеобеспечения являются «жизненные стратегии», т. е. поведение и действия в борьбе с голодом и холодом. Рассмотрим на примере жизненных стратегий в борьбе с холодом. Холод сопровождал сельского человека и на улице (проблемы с одеждой и обувью), и в избе (проблемы с топливом). Особенно страдали дети. Их жизненные стратегии базировались на наблюдательности и безысходности. Одной из трудовых обязанностей детей являлось содержание коров и выпас их с ранней весны и до поздней осени. Одним из способов согревания босых ног являлось использование горячих коровьих лепешек: «Коров пасла с десяти лет. Выгонят стадо рано утром. Обуток нет. Ноги босые. И пока солнце не поднимется и не нагреет землю, то и дело бегаем по свежим коровьим „лепешкам“, греем ноги» (Сборник воспоминаний... Мамась Элла Викторовна, 1932 г.р.). Другой способ «поймать тепло» было использование мест, прогретых животными: «Корова, где полежит, нагрела ж там, мы в фуфайке и ляжем там. А председатель идет и спрашивает: „Эт, вы, че там делаете?“ А мы ему: „Да, вот, на печке лежим“» (Алтайская деревня... 2012: 99). Таким образом, жизненные стратегии включали полученные на протяжении жизни опытным путем знания, умения, навыки.

Частью адаптационных практик стали заместительные технологии. Под ними подразумевается замена традиционных продуктов жизнедеятельности, которые в военных условиях становятся недоступными. Заместительные технологии фиксируются в годы войны как в основных элементах системы жизнеобеспечения – пище, жилище, одежде, так и во второстепенных – гигиене, санитарии, народной медицине и т. д. В пище заместительные технологии проявляются в ряде новаций: 1) изменение статуса продуктов питания: вытеснение основных элементов культуры жизнеобеспечения на периферию и, наоборот, выдвижение периферийных, вспомогательных элементов в центр системы жизнеобеспечения крестьянской семьи. В частности, на периферию ушел хлеб, являвшийся базовым компонентом традиционной русской кухни. Из повседнев-

ной пищи он превратился в праздничную. А в центр системы питания перешел картофель. Тенденция замены зерновых блюд картофельными сформировалась еще в 1930-е гг. и являлась следствием замены единоличного хозяйствования колхозно-кооперативным. То же происходило с солью, сахаром: «...солодка вместо сахара, птичьи яйца, мясо суслика – вот что составляло продуктивное меню в детстве»; 2) замена традиционных компонентов питания суррогатами (съедобными дикоросами, жмыхом или макухой (из подсолнечника, хлопка, конопли и др.): мучные изделия с добавлением лебеды («царица войны»), рыжика, кашки, крапивы, сурепки и т. д.); каши с заменой крупы семенами дикоросов и т. д. «Жили впроголодь, подмешивая в пшеничные лепешки лебеду, „калачики“; приходилось питаться чем попало. В основном, рыжик всегда выручал. Такой вонючий! А ведь ели... Лежит такая бараночка, красивая, но ее невозможно проглотить» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г. р., с. Гуселетово, Романовский район); «А потом кака-то была кашка, росла мелкая мелкая... меньше конапля. Возле бора ее много. Пойдем, намолотим ведрушечку, возьмем палочку намолотим, мама нам наварить на воде, она аж хрупотить на зубах. Хруп, хруп, хруп, хруп. Наедемся и пошли» (Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПА. Фонд ИЭЭ, 2012. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г. р., с. Конево, Панкрушихинский район). Важным для характеристики культуры жизнеобеспечения является введение понятия «сезонные повседневные практики (зима, лето)».

Таким образом, предметом исследования славянских обществ тыловых регионов России в условиях военного времени должна стать культура жизнеобеспечения в многообразии ее основных и второстепенных элементов – жилище и строительство, пища и питание, одежда и домашние промыслы, хозяйство и быт, санитария и гигиена, народная медицина и способы борьбы с эпидемиями, семья и семейные традиции, труд и трудовые традиции. Гипотезой научного исследования является утверждение об особой роли традиций в системе жизнеобеспечения сельских славянских сообществ в годы войны. Это позволяет корректировать, расширять и углублять в военно-исторических и антропологических исследованиях базовые понятия «Великий подвиг советского народа в годы войны» и «Факторы победы». Предложенные подходы реализуют, с одной стороны, принцип анализа развития этнических культур в контексте исторических событий, с другой стороны, демонстрируют возможности введения этнокультурного материала в исторические исследования.

Список литературы и источников

- Алтайская деревня в рассказах ее жителей. Барнаул: Алт. дом печати, 2012. 448 с.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2012. Бурматова Мария Никифоровна, 1926 г. р., с. Конево, Панкрушихинский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2012. Пономарева Мария Ивановна, 1927 г. р., с. Конево, Панкрушихинский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2013. Денисова Мария Васильевна, 1920 г. р., с. Лебяжье, Егорьевский район.
- Архив ЦУиЭ ЛИК АлтГПУ. Фонд ИЭЭ, 2014. Сычева Раиса Дмитриевна, 1927 г. р., с. Гуселетово, Романовский район.
- Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа. СПб., 1885. Ч. 4. Бийский округ.
- Сборник воспоминаний граждан Романовского района о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ч. 1. Женщина и война. Ч. 2. Дети войны: рукопись // Архивный отдел администрации Романовского района. Ф. Р-67, оп. 1, д. 47.
- Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 527 с.
- Щеглова Т. К. Устная история в этнографических исследованиях: лингвистический дискурс // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 2005. С. 256–264.
- Щеглова Т. К. Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия (из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий в этнографические исследования) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2010 г.: археология, этнография, устная история: материалы VII регион. науч.-практ. конф. / ред. кол. М. А. Демин. Барнаул: Изд-во Барнаул. пед. ун-та, 2011. С. 12–20.

Щеглова Т. К. Крестьянское срубное домостроительство на юге Западной Сибири в 1830–1930-е гг.: возможности заготовки и условия доставки «избленного материала» (срубного леса) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. Т. 9, ч. 1. С. 42–49.

Щеглова Т. К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов (по устным историческим источникам) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 35 (1). С. 174–184.

Щеглова Т. К., доктор исторических наук, профессор.

Алтайский государственный педагогический университет.

Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Алтайский край, Россия, 656031.

E-mail: tk_altai@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Shcheglova T. K.

**CULTURE OF SLAVONIC COMMUNITIES IN SIBERIA IN THE XX CENTURY:
NEW APPROACHES AND PERSPECTIVES OF SCIENTIFIC AND RESEARCH PROJECT
“CULTURE OF SUSTAINMENT OF RURAL RUSSIAN POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN EUROPE
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: TRADITIONS AND INNOVATIONS”**

In terms of rural Russian population of the Siberian rearmost village new research technologies of Slavonic cultures in the context of historical events of the XX century are introduced. The main sources of information are the materials of field expeditions in 1990–2014. In the process of studying of sustainment culture of Siberian population during the Great Patriotic War in 1941–1945 the notions of hard, extreme and exceptional conditions of life sustainment are introduced, new differential approach to observation of everyday activities of different social-economical, age, gender and repressed groups of rural community is presented. A set of new notions such as “adaptation practical aspects” in terms of foraging, trapping, hunting, fishing and “replacement technologies” in such elements of life sustainment as nourishment, dwelling, hygiene, etc. are developed in the process of characterization of family economy and labor traditions. “Life strategies” of different groups of Russian population fighting against famine and frost are viewed in their connection with natural resources of surrounding areas. The conclusion about the insurance role of the traditional culture in extreme conditions is made.

Key words: *Rural Russian population, rearmost village, war, culture of sustainment, nourishing terrain, family economy, converting household, labor traditions.*

References

Altayskaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley [Altai village in the stories of its inhabitants]. Barnaul, Alt. dom pečati Publ., 2012. 448 p. (in Russian).

Arkhiv TsUiE LIK AltGPU. Fond IEE, 2012 [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Burmatova Mariya Nikiforovna, 1926 g. r., s. Konevo, Pankrushikhinskiy rayon (in Russian).

Arkhiv TsUiE LIK AltGPU. Fond IEE, 2012 [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Ponomareva Mariya Ivanovna, 1927 g. r., s. Konevo, Pankrushikhinskiy rayon (in Russian).

Arkhiv TsUiE LIK AltGPU. Fond IEE, 2013 [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Denisova Mariya Vasil'evna, 1920 g. r., s. Lebyazh'e, Egor'evskiy rayon (in Russian).

Arkhiv TsUiE LIK AltGPU. Fond IEE, 2014 [The Archive of the center of oral history and ethnography of Altai state pedagogical university]. Sycheva Raisa Dmitrievna, 1927 g. r., s. Guseletovo, Romanovskiy rayon (in Russian).

Vaganov N. A. *Khozyaystvenno-statisticheskoye opisaniye krest'yanskikh volostey Altayskogo okruga* [Economic-statistical description of peasant rural districts of the Altai territory]. Saint-Petersburg, 1885. Part 4. Biyskiy okrug (in Russian).

Sbornik vospominaniy grazhdan Romanovskogo rayona o sobyitiyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 godov. Ch. 1. Zhenshchina i voyna. Ch. 2. Deti voyny: rukopis' [The collection of memoirs of citizens of Romanovsky district, about the events of the great Patriotic war of 1941–1945. Part 1. Woman and war. Part 2. Children of war: manuscript]. *Arkhivnyy otdel administratsii Romanovskogo rayona* [Archival Department of Romanovsky district administration]. F. R-67. Op. 1. D. 47 (in Russian).

Shcheglova T. K. *Derevnya i krest'yanstvo Altayskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya: monografiya* [The village and the peasants of the Altai territory in the twentieth century. Oral history: monograph]. Barnaul, BGPU Publ., 2008. 527 p. (in Russian).

Shcheglova T. K. Ustnaya istoriya v etnograficheskikh issledovaniyakh: lingvisticheskiy diskurs [Oral history in ethnographic research: linguistic discourse]. *Ehtnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ethnography of the Altai and adjacent territories: materials of Intern. scientific-practical conference]. Barnaul, Barnaul ped. un-t Publ., 2005. Pp. 256–264 (in Russian).

Shcheglova T. K. Ustnaya istoriya i etnografiya: puti i formy vzaimodeystviya (iz opyta vnedreniya novykh podkhodov, metodov i tekhnologiy v etnograficheskiye issledovaniya) [Oral history and Ethnography: ways and forms of interaction (experience of introducing new approaches, methods and technologies in ethnographic research)]. *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae, 2010 g.: arkhologiya, etnografiya, ustnaya istoriya: materialy 7-y region. nauch.-prakti. konf.* [Field research in the Upper Ob and Altai, 2010: archaeology, ethnography, oral history: proceedings of the 7th regional scientific-practical conference]. Ed. by M. A. Demin. Barnaul, Barnaul ped. un-t Publ., 2011. Pp. 12–20 (in Russian).

Shcheglova T. K. Krest'yanskoye srubnoye domostroitel'stvo na yuge Zapadnoy Sibiri v 1830–1930-e gg.: vozmozhnosti zagotovleniya i usloviya dostavki "izbenного материала" (srubного lesa) [Peasant log house construction in the South of Western Siberia in the 1830–1930-ies: the possibility of storing and shipping terms "Sanogo material" (a log in the forest)]. *Balandinskie chteniya: sbornik statey nauchnykh chteniy pamyati S. N. Balandina* [Balandinskii readings: collection of articles of scientific readings in memory of S. N. Balandina]. Novosibirsk, Novosib. gos. arkhiv.-khud. akad. Publ., 2014. Vol. 9, part 1. Pp. 42–49 (in Russian).

Shcheglova T. K. Sobiratel'stvo kak strategiya vyzhivaniya i element sistemy zhizneobespecheniya sibirskoy tylovoy derevni v povsednevnykh praktikakh voennogo vremeni 1941–1945 godov (po ustnym istoricheskim istochnikam) [The gathering as a survival strategy and an element of critical systems in the Siberian hinterland villages in everyday practices of wartime 1941–1945 (by oral historical sources)]. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal – Russian historical magazine*, 2015, no. 35 (1), pp. 174–184 (in Russian).

Shcheglova T. K.

Altai State Pedagogical University.

Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Altai region, Russia, 656031.

E-mail: tk_altai@mail.ru